

Theatre and music.

The charity concert of Messrs. Ziloti, Rachmaninoff and Chaliapin, which took place on December 2, attracted such a huge crowd of people that the walls of the Great Assembly Hall could not accommodate them; even all the side halls around were full. Three young artists presented bright examples and the makings of what musical Russia can and should do in the near future. We have almost no conductors, and their duties are often performed by semi-literate, if not completely illiterate, conductors, whereas in the person of A. I. Ziloti, Moscow saw a true conductor, who would not have gone unnoticed even in Germany, rich in this kind of talent.

From the technical side of Mr. Ziloti, apparently, has sufficient skill and subordinates the orchestra to himself with great ease, raising and calming the waves of orchestral movement like a real master, to whose artistic authority the members of the orchestra not only submit, but also remember that they themselves are artists.

Rarely have we heard such a technically masterful and at the same time poetic performance of Tchaikovsky's *Romeo and Juliet* as we heard that evening under the direction of Mr. Ziloti. The clarity of the plan and the freedom in its execution were such as Moscow rarely gets to hear; at the same time, there were no crude emphases, no exaggerated affectations, and there was no need to remember the wooden formalism of the performance to which we were accustomed in opera, although the orchestra was the same. The overture from A. S. Arensky's opera *Dream on the Volga* and Tchaikovsky's *Elegy* were also performed well. As for his *G* major variations from the third suite for orchestra, we didn't like the crumpledness of the final polonaise, taken too quickly and consequently losing its solemn shine, although most of the other variations went very well. We certainly don't need real bandmasters, allowing Mr. Ziloti to appear in this role by chance, as a rare exception, while he should be given a place among the very few Russian masters of this business.

S. V. Rachmaninoff appeared that evening as both composer and pianist, performing two movements from his new piano concerto. In this superb work, the young composer seems to be entering a new phase of his career. His great talent has long attracted attention not only in Russia but also abroad; now this talent appears to be enlightened, conscious of its own inner strength, and therefore alien to any refinement or pursuit of extraordinary harmonic and instrumental effects, as was noted earlier. The classical clarity of form, the broad melody, the luxury and power of the harmony compel us to call this work truly remarkable. We will return to it in more detail when we become acquainted with the first movement of the concerto, which, it seems, is still not fully completed. We hope to hear the entire concerto in the near future, especially since the composer himself is as excellent a pianist as the composer, meaning the performer will have no trouble.

Mr. Chaliapin received the greatest share of the ovations that evening. We have spoken so often of the enormous, exceptional talent of this superb artist that we do not consider it necessary to sing his praises once again. Mr. Chaliapin is as independent and original a singer in romances as he is in opera—and that will be enough to say. Regarding the program, we will limit ourselves to the remark that Mussorgsky's *Rayek*, although a highly talented joke, seems to us unsuitable for concert performance; It was even somehow strange to hear such a musical picture, which had a completely special meaning and character rather for musicians who remember the past than for the general public. N. K.

[Translation: Google]

Театръ и музыка.

Благотворительный концертъ гг. Зилоти, Рахманинова и Шаляпина, бывшій 2 декабря, привлекъ такую огромную массу публики, какую стѣны Большой залы Собранія вмѣстѣ рѣшительно не могли; даже всѣ боковыя залы кругомъ были полны. Трое молодыхъ артистовъ представляли яркіе образцы и задатки того, что музыкальная Россія можетъ и должна сдѣлать въ близкомъ будущемъ. У насъ почти нѣтъ капельмейстеровъ и обязанности ихъ нерѣдко исправляютъ малограмотные, а то и совсѣмъ неграмотные, махальные“, между тѣмъ какъ въ лицѣ А. И. Зилоти Москва видѣла настоящаго дирижера, который и въ богатой этого рода талантами Германіи не прошелъ бы незамѣченнымъ.

Съ технической стороны г. Зилоти, повидимому, имѣетъ достаточный навыкъ и подчиняетъ себѣ оркестръ съ большою легкостью, вздымая и успокоивая волны оркестроваго движенія какъ настоящій властелинъ, артистическому авторитету котораго члены оркестра не только подчиняются, но и вспоминаютъ при этомъ что они сами артисты.

Намъ рѣдко приходилось слышать такое технически мастерское и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтичное исполненіе Ромео и Джульетты Чайковскаго, какое слышали въ этотъ вечеръ подъ управленіемъ г. Зилоти. Ясность плана и свобода въ его выполненіи были таковы, какіе Москвѣ рѣдко удастся слышать; при этомъ не было ни грубыхъ подчеркиваній, ни преувеличенной аффектаціи, а о деревянномъ Формализмѣ исполненія, къ какому приучили насъ въ оперѣ, не приходилось и вспоминать, хотя оркестръ былъ тотъ же самый. Столь же хорошо была исполнена увертюра изъ оперы А. С. Аренскаго Сонъ на Волгѣ и Элегія Чайковскаго. Что же касается его же варіацій G-dur изъ третьей сюиты для оркестра, то намъ не понравилась скомканность заключительнаго полонеза, взятаго слишкомъ скоро и утратившаго вслѣдствіе того свой торжественный блескъ, — хотя большая часть остальныхъ варіацій прошла очень хорошо. Мы точно не нуждаемся въ настоящихъ капельмейстерахъ, допуская г. Зилоти появляться въ этой роли случайно, въ видѣ рѣдкаго исключенія, между тѣмъ какъ ему слѣдовало бы отвести мѣсто въ ряду очень не многихъ русскихъ мастеровъ этого дѣла. С. В. Рахманиновъ явился въ этотъ вечеръ композиторомъ и піанистомъ, исполнивъ двѣ части изъ своего новаго концерта для фортепіано съ оркестромъ. Въ этомъ превосходномъ сочиненіи молодой композиторъ какъ бы вступаетъ въ новую фазу своей дѣятельности. Его крупный талантъ давно обратилъ на себя вниманіе не только въ Россіи, но и за границей; теперь талантъ этотъ является какъ бы просвѣтленный сознавшимъ свою внутреннюю силу и потому чуждымъ всякой изысканности, погони за чрезвычайными эффектами гармоніи и инструментовки, что замѣчалось ранѣе. Классическая ясность формы, широкая мелодія, роскошь и сила гармоніи заставляютъ назвать это произведеніе въ полномъ смыслѣ слова замѣчательнымъ. Мы возвратимся ему подробнѣе, когда познакомимся и съ первою частью концерта пока еще, кажется, не вполне законченною. Надѣмся услышать весь концертъ въ недалекомъ будущемъ, тѣмъ болѣе что самъ авторъ такой же превосходный піанистъ, какъ и композиторъ и, значить, за исполнителемъ дѣло не станетъ.

Наибольшая доля овацій въ этотъ вечеръ выпала на долю г. Шаляпина. Мы такъ часто говорили объ огромномъ, исключительномъ талантѣ этого превосходнаго артиста, что не считаемъ нужнымъ еще разъ воспѣвать ему хвалы. Г. Шаляпинъ и въ романсахъ такой же самостоятельный и своеобразный пѣвецъ, какъ и въ оперѣ, — и это сказать будетъ достаточно. Относительно программы ограничимся замѣчаніемъ что Раекъ Мусоргскаго, хотя и въ высшей степени талантливая шутка, но для концертнаго исполненія намъ представляется не подходящимъ; даже какъто странно было слышать

такую музыкальную картинку, имѣющую совсѣмъ спеціальный смыслъ и характеръ скорѣе для музыкантовъ, помнящихъ прошлое, нежели для большй публики. Н. К.